

ные случаи чередования именительного с винительным. Затем, по мере того как именительный становился преимущественно указателем подлежащего и по мере того как язык постепенно достигал большей цельности и стройности в строении предложений, именительный терял рассмотренные выше разнообразные функции, и они делались достоянием винительного (пока последний в свою очередь не потерял значительной части их при дальнейшем развитии других падежей)» [4, с. 100—101]. Особенно замечательно примечание Попова к этому заключению: «Если бы кто вопреки исследованию Курциуса признавал именительный более древним падежом, чем винительный², для того эти выводы не теряют своего значения за следующим небольшим изменением: когда явился винительный и именительный стал указывать преимущественно на главное (подлежащее), а винительный на второстепенное, винительный должен был принять на себя все функции именительного (кроме подлежащего), в которых именительный указывал не на главное, а на второстепенное» [4, с. 100]. Отсюда определенно следует, что Попов не настаивал на первичности формы с суффиксом *-*m* (иначе говоря, протоаккузатива) и допускал первичность *-*s*-формы (протономинатива)³; это, впрочем, никоим образом не отменяет его вывода о первоначальной недифференцированности функциональных сфер обеих форм. Древнейшим различием протоаккузатива и протономинатива Попов считал, как указывалось выше, различие не грамматическое, а словообразовательно-семантическое: «Падеж на *s* сделался указателем главного предмета, субъекта, производящего действие; падеж на *m* должен был обозначать нечто противоположное, между прочим пассивный предмет, пассивное состояние» [4, с. 33].

Следующее замечание рецензента посвящено критике (с пространным акцентологическим комментарием) положения Т. Бенфея, поддержанного Поповым, о возникновении звательной формы из именительной в результате исчезновения *-*s* под влиянием ударения, падавшего в вокативе на первый слог. Современная лингвистика, действительно, не разделяет этой точки зрения, однако в работе Попова данный тезис и не занимает существенного места, как и проблема вокатива в целом.

Продолжая анализ недостатков монографии, Ф. Ф. Фортунатов уличает А. В. Попова во «внутреннем противоречии», которое он усматривает в следующих положениях, на деле не зависящих друг от друга: во-первых, Попов, вслед за Курциусом, признает две главные формации индоевропейских падежей (см. выше), причем к первой относит именительный, звательный и винительный [4, с. 1]; во-вторых, Попов цитирует (не вполне точно) слова Курциуса (в рецензии эта цитата приписана самому Попову): «Можно предположить, что было время, когда существовало даже только два падежа: не характеризуемый никаким подвижным суффиксом вокатив и падеж с суффиксом *M*, к которому потом, позже присоединился падеж с суффиксом *S*» [11, с. 251—252]. В отличие от Курциуса, Попов не отождествляет чистую основу с вокативом, хотя и соглашается с тем, что «существование падежа, представляющего чистую тему без падежного суффикса, в доисторическое время несомненно» [4, с. 4]. Никакого противоречия в этих двух утверждениях нет: говоря о первой *главной* формации (у Курциуса слово «главная» отсутствует), Попов вконец не говорит об одновременном возникновении именительного, винительного и звательного. В то же время разграничение вокатива и чистой основы, проведенное Поповым, позволяет заключить, что он первым указал на возможность существования в древнейшие эпохи праиндоевропейского языка такого состояния, когда падежная система еще не сложилась, но имела неоформленную именную основу, выполнявшая слабо дифференцированные семантико-грамматические функции (так называемый *casus indefinitus*) [15,

² Ср. [15, с. 77—78].

³ В современной индоевропеистике вопрос об относительной хронологии возникновения данных форм остается дискуссионным (см. [22]).